

История начинается с событий франко-прусской войны, в которой поражение Наполеона III при Седане стало переломным моментом для французской стороны, предопределившим ее поражение. Спустя несколько дней оставшиеся без монарха депутаты свергли монархию и утвердили собственное временное республиканское правительство — с этого момента началось продолжительное противостояние за власть между ним и французским пролетариатом, боровшимся за будущее демократической рабочей Франции.

«Но парижская буржуазия не теряла голову в перевороте. Она сейчас же выдвинула «Временное Правительство», из умеренных республиканцев, конечно, буржуазных, которые — она знала — не допустят до социалистической ломки буржуазного строя. Впрочем, в виде подачи народу, стоявшему с оружием в руках вокруг Ратуши, в правительство приняли умеренного государственного социалиста Луи Блана и его товарища, рабочего Альбера. Но, конечно, из коммунистов (они тогда называли себя «коммунистами материалистами»), из которых слагались тайные общества Бланки, Барбеса и др., — которые и дрались на баррикадах, — буржуазия никого не допустила до участия в правительстве» (Петр Кропоткин).

Парижский рабочий класс прошел через осаду, поражение в войне и предательство, что стало его отправной точкой для той ярости, благодаря которой над столицей начало развиваться алое знамя, как символ борьбы трудящихся; был учрежден **народный демократический муниципалитет — Парижская Коммуна!**

«Париж, нанесший смертельный удар политическим традициям буржуазного радикализма и положивший реальное основание революционному социализму! Париж, вновь заслуживший проклятия всех реакционеров Франции и целого мира! Париж, в смертельной ненависти к ликующей реакции похоронивший самого себя под дымящимися развалинами! Париж, спасший ценою своего разрушения честь и будущность Франции и доказавший человечеству, что если жизнь, ум, нравственная сила и исчезли в высших классах, то зато они, могучие и полные будущности, сконцентрировались в пролетариате!» (Михаил Бакунин).

В этой статье вместе с французским народом будет пройден 266-дневный путь его борьбы с государственной машиной несправедливости, будут разобраны сопутствующие этой борьбе восстания и действия обеих сторон конфликта. Эта работа заняла много сил и времени, при ее написании было использовано множество источников; она написана очень простым и популярным языком, чтобы ни у кого не возникло трудностей ознакомиться с этой частью истории.

Мы старались, поэтому будем очень рады вашему вниманию и оценке!

18 марта 1871 года столицу Третьей Французской республики [1] охватило пламя восстания: после поражения Франции в войне, президент республики Адольф Тьер, из-за личных опасений развития революционной ситуации в стране после подписания Франкфуртского мирного договора [2], предпринял неудачную попытку разоружить парижскую Национальную гвардию [3]. Эта попытка перетекла в известные революционные события в Париже и закончилась учреждением первого в современной истории рабочего государства — Парижской Коммуны.

“ «В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» (Фридрих Энгельс в введении к работе «Гражданская война во Франции», издание 1891 г.).

Важно понимать, что история известной Коммуны начинается отнюдь не с марта, как можно было подумать, исходя из начала этой статьи, — скорее всего события, произошедшие 18 марта, являются долгожданным результатом всей той классовой борьбы, активно проявлявшей себя на протяжении последнего года.

Чтобы разобраться в Парижской Коммуне, нужно разобраться в событиях, предшествовавших ей — без них, знаменитой Коммуны бы не существовало. К сожалению, мы не встречали, чтобы многие авторы применяли такой подход в своих статьях, поэтому этим займемся мы!

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ?

“ «Между Седаном и нашими днями протекли события, кажущиеся призрачными, и мы сами – как привидения, видевшие такую гору трупов» — Луиза Мишель.

Удобным моментом для начала повествования будет тот факт, что в 1870 году Вторая Французская империя [4] терпела поражение от Пруссии (важно иметь в виду, что речь идет не об одной Пруссии, а о северогерманской конфедерации государств, возглавляемых ею) во время франко-прусской войны (19 июля 1870 г. – 10 мая 1871 г.), которую начал убежденный в своем превосходстве Луи-Наполеон Бонапарт III с целью не допустить объединения германских земель в единую империю, чем занимался в то время прусский канцлер Отто фон Бисмарк [5].

«Наполеон III, 2 декабря проделавший свое «18 брюмера», желал иметь и свой Аустерлиц: вот почему с самого начала все поражения назывались победами» (Луиза Мишель в сочинении «Коммуна», издание 1898 г.).

Вопреки мечтам возмнившего себя великим полководцем Наполеона, Франция уступала Пруссии практически во всем: в соотношении численности сил, качестве их вооружения и профессионализме командования. Эти недетские игры в войнушку привели Вторую империю к серии критических поражений, которые нашли свой конец (для империи и его императора) в так называемой Седанской катастрофе (1-2 сентября 1870 г.) , в ходе которой на блюдечке монарх с разбитым войском попал на стол канцлера. Попал в плен, в общем.

“ «Наполеон III не нашел в себе мужества отчаяния: он и с ним более чем 80-тысячная армия сдались в плен. Он сдал все свое оружие, знамена, 100 тысяч лошадей, 650 орудий. Империя рухнула и была погребена так глубоко, что о возрождении ее не могло быть и речи. Герой декабря, кончив Седаном, увлек за собой в пропасть всю свою династию...» (Луиза Мишель, Ibid.).

После сих приключений начался раздор между растерянными чиновниками и требовавшим народную республику народом. Чиновники слегка помешкались и пошли на встречу людям — утвердили собственную временную власть, очень величавшую себя суверенно народной. После этого начнется та самая классовая борьба между этой новой властью и французским пролетариатом, познавшим в действительности всю «народность» нового режима, который бесчисленно наступал на собственные грабли, пытаясь сделать как лучше.

В этой статье мы вместе с французскими рабочими пройдем путь длительной агитации и даже нескольких вооруженных восстаний в попытке достичь заветного, самодовлеющего и народного муниципалитета, именуемого Парижской Коммуной.

Ну что-ж, с наполеоновским крахом мы уже ознакомились. Продолжим с начала учреждения временного правительства...

СЕНТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ [8]

“ «Империя рассыпалась, как карточный домик; снова была провозглашена республика» — Фридрих Энгельс.

Как уже известно, Луи-Наполеон Бонапарт III был пленен 2 сентября 1870 г. во время поражения в Седанской битве, произошедшей днем ранее.

Уже на следующий день [после пленения], оставшаяся без монарха палата депутатов была в замешательстве от такого внезапного обременения самостоятельностью и не могла разумно подойти к вопросу что делать дальше — отчасти из-за внутренних разногласий членов палаты, отчасти из-за внешнего давления со стороны рабочих, взывающих учредить народный демократический муниципалитет.

Народ был счастлив, потому что, не взирая на поражение, перед Францией поднялся тяжелый занавес, за которым сиял свет республиканской жизни.

“ «Париж не стал беспокоиться о судьбе Наполеона III: Республика, еще не провозглашенная, уже существовала в сердцах. И вопреки позору поражения, позору, павшему на империю, на лицах сиял свет Республики, ее отблеск; будущее открывалось в лучах славы.

Городская полиция и муниципальная гвардия окружали здание Законодательного корпуса, но напирающая толпа придвинулась вплоть до решеток с криками: «Да здравствует Республика!». Республика! Это звучало как греза! Наконец-то!» (Луиза Мишель, *Ibid.*).

Ближе к ночи любопытные граждане начали толпиться и заполнять собой улицы с площадями. Они то гневались на Наполеона за его предательство, то ликовали, ожидая объявления республики. Эти толпы были разогнаны полицией.

Тем временем 3 сентября в дворце Бурбонов проходило заседание республиканских и орлеанистских [9] депутатов Законодательного корпуса [10], на котором они решали судьбу Франции. Наиболее видные лица среди них носили следующие имена: Адольф Тьер, Анри Рошфор, Жюль Симон, Жюль Фавр, Жюль Ферри, Леон Гамбетта, Эмманюэль Араго, Эрнест Пикар. Именно они будут фигурировать в дальнейшем.

Они, мешкая, пытались наиболее разумно подойти к этому вопросу. Было выдвинуто множество предложений учредить новую власть, и все они одинаково взывали к авторитету А. Тьера, который был проверенным и надежным лицом, участвовавшим много лет во французской политике. В будущем мы поговорим непосредственно о нем, однако в настоящий момент это не имеет особой нужды. Ограничимся тем фактом, что Тьер выступал за прекращение войны, что не одобряли многие члены заседания; поэтому он отказался участвовать в их затее организовывать правительство ввиду нежелания «брать на себя ответственность», хотя поддержал ее [затею].

В конце концов депутаты сошлись на идее учредить совет, состоящий непосредственно из них самих. В этот совет вошли все вышеперечисленные люди, за исключением А. Тьера. Идея была удачной по той причине, что многие из них, будучи республиканскими лидерами, имели некую власть в Париже, а некоторые были избраны народным голосованием. Вот таким образом было сформировано временное правительство, которое назвали «Правительством национальной обороны».

Также Ж. Фавром была предложена идея свергнуть наполеоновскую династию, однако с этим решили еще немного подождать. Они ждали, а народ — нет. Любопытная толпа начала сходиться к дворцу, где проходило заседание, и решительно требовать ликвидировать власть Наполеона. Среди них были бланкисты и радикально левые революционеры, желавшие ускорить падение империи. Члены совета, включая Л. Гамбетту, старались убедить толпу успокоиться, но тщетно. Ближе к полудню рабочие ворвались во внутрь дворца и вынудили совет приускориться, что привело к тому, что испугавшиеся Ж. Фавр и Л.

Гамбетта перед публикой незамедлительно объявили об окончании правления династии Наполеона. Гамбетта поднялся на трибуну и торжественно произнес перед ожидающей толпой:

“«Граждане, учитывая, что национальному представительству было предоставлено все необходимое время для провозглашения свержения; учитывая, что мы являемся и составляем законную власть, вытекающую из свободного всеобщего избирательного права, мы заявляем, что Луи-Наполеон Бонапарт и его династия навсегда перестали править Францией!» (Леон Гамбетта на трибуне перед толпой граждан 3 сентября 1870 г.).

Также на следующий день в парижской ратуше Отель-де-Виль была напечатана и распространена прокламация, объявляющая о провозглашении Третьей Французской республики официально:

“«Французы! Народ опередил Палату, которая колебалась. Чтобы спасти находящуюся в опасности Родину, он потребовал Республику.

Он дал своим представителям не власть, а ответственность. Республика отразила вторжение в 1792 году; Республика провозглашена. Революция совершена во имя права, общественной безопасности.

Граждане, берегите доверенный вам город; завтра вы вместе с армией станете мстителями за Родину!» (Официальное заявление о провозглашении Третьей республики, 4 сентября 1870 г.).

Люди кричали «Да здравствует республика!» и радовались тому, что правительство прислушалось к ним. Из слов очевидицы, анархистки Луизы Мишель, новое правительство было вынуждено выполнять требования толпы, поверившей в силу республики: таким образом, были приняты некоторые списки депутатов, составленные народом, и освобождены многие политические заключенные. Для самого же правительства игнорирование этих просьб могло бы привести к стачкам, а еще хуже — к созданию оппозиционной организации, чего оно очень боялось. Карл Маркс охарактеризовал эту демократию следующим образом:

“«Мы приветствуем учреждение республики во Франции, но в то же время нас тревожат опасения, которые, будем надеяться, окажутся неосновательными. Эта республика не ниспровергла трон, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно. Распределение функций между членами этого правительства не обещает ничего хорошего.

[...] Таким образом, французский рабочий класс находится в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния» (Карл Маркс в сочинении «Гражданская война во Франции», издание 1891 г.).

Эти слова обязательно найдут свое оправдание в следующих сведениях.

Республика была утверждена, однако вопрос с властью был решен не до конца. Палата, удовлетворившая сердца людей, могла на мгновение спокойно выдохнуть.

Итак, раз было решено не прекращать войну, то новое правительство нуждалось в хорошем военном министре. Кандидатура была предложена военному губернатору Парижа и по совместительству генералу Луи Трошю, который в таком случае потребовал место председателя. Что уж поделать, его условия были приняты, хотя на деле он обладал гораздо меньшим авторитетом в делах именно правительства, чем Ж. Фавр, т. к. был военачальником, а не дипломатом.

В итоге остался лишь вопрос о распределении министерств, где полномочия разбирали сами министры так, как будто это были горячие пирожки: Ж. Фавр стал вице-председателем Совета; Ж. Симон — министром образования; Ж. Ферри — секретарем; Л. Гамбетта — министром внутренних дел; Э. Араго — министром юстиции; Э. Пикар — министром финансов.

Безусловно, их было несколько больше. Однако остальные не принимают участия в этой статье, поэтому не нуждаются в упоминании.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

«Центральный комитет не являлся авангардом партии; у него не было идеала, который он продвигал бы. Только очень простая идея — защита от монархии — смогла объединить так много людей» — Проспер-Оливье Лиссагарэ.

Тем не менее боязнь правительства была не напрасна. Почти сразу после провозглашения республики, народная организация проявила себя: 5 сентября члены уже существовавшей Федеральной палаты рабочих обществ, тесно связанной с Международным товариществом рабочих (или же Первым Интернационалом), решили учредить в каждом парижском округе т. н. Комитет бдительности и обороны, где от каждого такого комитета будут выделены 2 делегата, в сумме формировавшие Центральный комитет, который впоследствии был назван «Республиканским центральным комитетом двадцати округов» (прим.: далее в тексте просто как Центральный комитет).

Уже 11 сентября благодаря Международному товариществу рабочих, в предоставленном ими помещении проходило заседание Центрального комитета и других политических клубов.

Спустя 3 дня после заседания, на парижских стенах появился некий плакат розового цвета, который вывесил Центральный комитет. Плакат был подписан 48 делегатами и выражал народные требования по организации действительно народной республики, которые были отправлены на рассмотрение непосредственно Правительству национальной обороны:

- “ • упразднение полиции и замена ее магистратами, назначаемыми муниципалитетами с участием Национальной гвардии;
- выборы и подотчетность всех государственных должностных лиц;
- свобода печати, собраний и ассоциаций;
- реквизиция товаров и нормирование продовольствия для того, чтобы выдержать осаду города немецкими войсками.

Уже начиная с этого момента можно начинать говорить о зачатке Парижской Коммуны, т. к. появилась рабочая организация, претендующая на это право и начавшая прямо играть в республику, поверив лаконичным речам тех, кто эту республику провозгласил.

“ «Одним из первых актов этого Центрального комитета было изложить правительству волю Парижа. Последняя была выражена в немногих словах на розовой афише, которая была сорвана в центре Парижа сторонниками «порядка»; наоборот, в предместьях ее приветствовали. Правительство по глупости приписало ее прусским агентам; последние были родом навязчивой идеи у этого правительства. [...] В ответ на эту афишу, которая совершенно правильно выражала волю Парижа, правительство, идя по стопам империи, стало распространять слухи о победе и о близком приходе Луарской армии [11]» (Луиза Мишель, Ibid.).

Эти требования, естественно, были проигнорированы. По этой причине произошел ряд демонстраций, возникших с 20 по 22 сентября. Демонстрации были разогнаны, а отношения между Центральным комитетом и Правительством национальной обороны стали напряженными, все развилось до той степени, что 25 сентября вторые обвинили первых в спонсировании их сторонниками Второй империи, однако расследование это опровергло.

ОСАДА ПАРИЖА

“ «Париж мог сопротивляться только потому, что вследствие осады он избежал от армии и заменил её национальной гвардией, главную массу

которой составляли рабочие» — Карл Маркс.

Откатимся на неделю назад. Поражение Наполеона стало точкой невозврата, после которой Франция начала стремительно проигрывать.

За неделю прусские войска беспрепятственно продвинулись вперед и уже 19 сентября осадили столицу, взяли ее в кольцо. Однако по причине того, что внутри города находились 500 тыс. обороняющихся солдат (однако менее ¼ были боеспособными; остальную часть составляла Национальная гвардия, состоящая из простых людей, не имеющих должной подготовки и опыта), прусское командование не давало приказа штурмовать и предпочло морить французов голодом и изоляцией до тех пор, пока город не сдадут без сопротивления.

С этого момента началась знаменитая 4 месячная осада Парижа (19 сентября 1870 – 28 января 1871 гг.) [12], сопровождавшаяся жестокой голодовкой и регулярными обстрелами немецкой артиллерии. Известно, что за последние 23 ночи осады, на город было выпущено более 7 тыс. снарядов, которые поразили около 1600 общественных зданий и 1400 частных домов.

ВОССТАНИЕ 31 ОКТЯБРЯ

“ «Четвертого сентября кричали: Да здравствует Республика! Тридцать первого октября раздался клич: Да здравствует Коммуна!» — Луиза Мишель.

Столица была окружена, а французская «Армия Востока» [13] продолжала терпеть поражения: 27 октября маршал Франсуа-Ашиль Базен капитулировал со 100 тыс. солдатами в осажденном Меце (19 августа – 27 октября 1870 г.), что позволило прусским войскам внимательнее сосредоточиться на осаде столицы и стянуть туда войска; с 28 по 30 октября генерал де Бельмар с большими потерями проиграл битву в Ле Бурже (с французской стороны потери насчитывали около 3000 солдат; а с прусской — 370).

Параллельно этому у А. Тьера была задача от Ж. Фавра найти поддержку для Франции среди европейских держав, пока тот встречался с Отто фон Бисмарком в замке Феррьер. В итоге переговоров Бисмарк лишь твердил о безоговорочной капитуляции, а А. Тьер, за месяц объездивший Лондон, Вену, Санкт-Петербург и Флоренцию, вернулся на родину ни с чем.

Проспер-Оливье Лиссагарэ, французский корреспондент и непосредственный член будущей Коммуны, описал ситуацию следующим образом:

“ «20 числа Жюль Фавр вернулся из Феррьера, где он расспросил Бисмарка об условиях мира. Он отправился туда без предупреждения, без ведома своих коллег, как он сам заявил в своем слезливом отчете о встрече. «Он не проронил ни одной слезинки, хотя изо всех сил пытался плакать», — сказал

секретарь Бисмарка. Немедленно Комитет двадцати округов собрался в полном составе и направил в мэрию просьбу о полномасштабной борьбе и проведении муниципальных выборов, назначенных указом четырьмя днями ранее. «Нам нужна поддержка и помощь со стороны собраний, избранных прямым всеобщим голосованием», — писал министр внутренних дел Гамбетта. Жюль Ферри принял делегацию, дал слово чести, что правительство ни при каких обстоятельствах не пойдет на компромисс, и объявил о проведении муниципальных выборов в конце месяца. Три дня спустя указом их отложили на неопределенный срок» (Проспер-Оливье Лиссагарэ в сочинении «История Парижской Коммуны 1871 года», издание 1896 г.).

Очевидно, что неопределенный срок в «три дня спустя указом их отложили на неопределенный срок» так и не определили.

Оставшаяся без союзников, армии и столицы Франция впала в уныние — близилось неминуемое поражение. Правительство национальной обороны кое-как пыталось скрыть эти неудачи, однако в конце октября правда проявилась на свет — вся Франция узнала о «достижениях» отечества.

Больше всего это не понравилось самому французскому народу, который счел такое положение дел предательским, и потому ситуация приобрела революционный характер: заведующий журналом «Пробуждение» журналист и в дальнейшем участник коммуны, Шарль Делескюз, призвал граждан присоединиться к очередному требованию создать народный муниципалитет (или же по-простому — Коммуну). Это призывание разделили такие выдающиеся личности, как Огюст Бланки [14], Феликс Пиа [15] и Гюстав Флуранс [16] (последний явился не сразу), которые присоединились к требованию.

Ранним утром 31 октября члены комитетов бдительности и батальоны Национальной гвардии двинулись к ратуше Отель-де-Виль, где заседали Л. Трошю, Ж. Фавр, Ж. Симон, Ж. Ферри, Э. Пикар и другие члены Правительства национальной обороны.

“ «Иногда по дороге попадались ослы, рассказывавшие, что прусская армия едва не была разрезана на две или три части, уже не помню кем; другие плакались, что французские офицеры не знали маленькой тропиночки, которая привела бы их в самый центр неприятельского расположения; а некоторые еще прибавляли: все дороги в наших руках. В действительности, эти три части были три германские армии, как раз и державшие в руках все дороги. Глупцы, подстрекаемые шпиками, продолжали горланить перед правительственными сообщениями, что это ложные телеграммы, что их фабрикуют Феликс Пиа, Рошфор и Флуранс, чтобы вызвать панику и поднять восстание перед лицом неприятеля. За все время войны, с самого ее начала, это была обычная фраза в устах этих людей, которая формально вела к тому, что ослабляла наше сопротивление и сводила на нет все благородные порывы» (Луиза Мишель, Ibid.)

Противившиеся перемирию рабочие и гвардейцы шли маршем, держа в руках плакаты, на которых торжественно красовались крупным шрифтом лозунги: «ДОЛОЙ ПЕРЕМИРИЕ! ДОРОГУ КОММУНЕ! СОПРОТИВЛЕНИЕ ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕСПУБЛИКА!».

Подобравшаяся к ратуше толпа требовала от правительства объяснить игнорирование необходимых выборов и столь критических поражений в войне, однако не давала правительственным прихвостням сказать ни слова в свое оправдание. Звук громких возгласов и выстрелов заполнил площадь перед зданием. У удавшегося протиснуться сквозь людей Ж. Симона получилось выпросить 10 делегатов, которые пройдут в ратушу для переговоров.

Делегаты были отправлены еще утром, однако к 14:30 они все еще не вернулись. Демонстрация начала терять изначальный мирные намерения, разгневанная толпа, несмотря на заверения мэров о скорейшем проведении выборов — эти слова больше не воспринимались всерьез после такого халатного обращения, начала двигаться к ратуше и уже к 16:00 завалилась в зал заседания. Это очень не понравилось Ф. Пиа, который рассчитывал на дипломатию, а не штурм.

“ «Около четырех часов зал был переполнен. [...] Один из делегатов Комитета двадцати округов забрался на стол, провозгласил падение правительства и потребовал создания комиссии, которой будет поручено провести выборы в течение сорока восьми часов. Имена Дориана, единственного министра, который серьезно отнесся к защите, Луи Блана, Ледру-Роллена, Виктора Гюго, Распая, Делескюза, Бланки, Феликса Пиа и Мильера были встречены одобрительными возгласами (прим. ред.: т. е. были приняты в комиссию)» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.)

К этому моменту уже явился Г. Флуранс в окружении нескольких сотен гвардейцев. Он, одетый в полковническую форму, вскочил на стол, вокруг которого стояли члены правительства, и объявил их пленниками. Также им [Г. Флурансом] была предложена идея самостоятельно учредить Комитет общественной безопасности, который займется проведением выборов, и уже начал зачитывать тех, кто туда войдет: себя, О. Бланки, Ш. Делескюза, Ж. Мильера, Г. Ранвье, Ф. Пиа и Ш. Мотту... [17]Внутри заседания начался раздор между протестующими — не все были согласны с идеей Флуранса, и члены Правительства национальной обороны почувствовали небольшое спокойствие.

Из-за того, что толпа начала заниматься своими делами, позабыв о пленниках, реакционные гвардейцы смогли тайком вывести Л. Трошю и Ж. Ферри прямо из-под носа у Флуранса — так говорит Проспер-Оливье Лиссагарэ.

Выбравшись наружу, Трошю и Ферри созвали 40 тыс. войско к ратуше для подавления восстания. Однако, насколько известно, до штурма здания не дошло — за это время Ш. Делескюз, Г. Флуранс и Ж. Мильер успели достигнуть некоего соглашения с членами правительства, которые вновь дали честное-пречестное слово провести выборы, так как у них больше не остается иного выхода, раз их взяли пленниками. Была даже напечатана

специальная афиша с подписями, объявляющая о проведении выборов — в общем, все было как положено.

“ «Накануне этого дня правительство обороны, захваченное в ратуше, торжественно обещало Бланки, Флурансу и другим представителям рабочих передать узурпированную им власть в руки свободно избранной Парижем Коммуны. Вместо исполнения обещания оно натравило на Париж бретонцев Трошю, занявших теперь место корсиканцев Бонапарта. Только генерал Тамизье не захотел запятнать себя таким вероломством и отказался от звания главнокомандующего национальной гвардии. Заменявший его Клеман Тома снова оказался генералом» (Карл Маркс, Ibid.)

Национальные гвардейцы все еще находились в ратуше и следили за правительством, тем временем как под условием, что они не будут подвержены преследованию, делегаты покинули ратушу.

Воодушевленная толпа ликовала и начала расходиться, поверив в честное слово правительства не преследовать их и заняться действительным делом.

Однако недолго длилось их счастье. Спустя некоторое время те самые батальоны Ж. Ферри ворвались через подземные входы в ратушу, обезоружив находившуюся там Национальную гвардию и освободив пленников правительства. Сама же афиша оказалась наглым обманом, и наиболее радикальные участники восстания были преданы суду (среди них находились Г. Флуранс, Ф. Па, О. Бланки и другие), и находились в заключении еще последующие 3 месяца, пока по причине некорректно сформулированного обвинения их не оправдал суд.

КРАСНЫЙ ПЛАКАТ

“ «Революция, лишившись газет, теперь выражала свои мысли через плакаты всех цветов и идей. Флуранс и Бланки, осужденные заочно, расклеивали протестные плакаты повсюду» — Проспер-Оливье Лиссагарэ.

Спустя несколько месяцев после восстания 31 октября наступил 1871 год. В ночь с 5 по 6 января на парижских стенах появился плакат красного цвета, подписанный уже 140 делегатами. Его вывесил Центральный комитет, который на тот момент носил название «Делегации» тех же 20 округов, к которой после неудачного октябрьского восстания присоединялись все больше бланкистов и интернационалистов. Текст плаката сообщал (сокращенно):

“ «Парижане!
Делегаты из двадцати округов Парижа.

Хоть ли 1 человек из правительства выполнил свою миссию? — Нет! 200 тыс. пруссаков душат наших 500 тыс. бойцов. В этом виновата лишь власть, которая вместо решений проблем, думала лишь о переговорах. Своей медлительностью она завела Францию в погребную яму, не умея ни управлять, ни воевать, хотя распоряжается всеми ресурсами.

Вместо изобилия она привела нищету: люди умирают голодной и холодной смертью. Военные министры совершают бессмысленные вылазки, которые губят множество людей. Париж бомбят. Спасать Париж нужно уже сегодня, а власть все еще отвечает угрозами на наши мнения, при этом говорит, что будет поддерживать ПОРЯДОК!

Если у нее остался хоть какой-то патриотизм, она должна уйти и позволить нам самим взять ответственность за собственное освобождение.

Муниципалитет или Коммуна, неважно, — только это наше спасение от смерти. Потакание этой власти приведет к капитуляции, а Мец и Руан научили нас, что капитуляция — это не только голод, а и разорение с позором. наших бойцов в качестве пленников заставят маршировать по немецким городам под насмешками иностранцев.

Неужели великий народ 89-го года, разрушивший Бастилию и трон, будет бездействовать, пока холод и голод не доберется к нему самому? Жители Парижа никогда не смирятся с этим позором. Они знают, что есть время, и рабочие не обречены на смерть.

Массовое заявление!

Бесплатные пайки!

Массовая атака!

Правительство 4 сентября идет по стопам Империи! Уступите дорогу людям! Уступите дорогу Коммуне!» (Красный плакат, 6 января 1871 г.)

Также снизу в трех пунктах был изложен план действий:

- общее заявление на предоставление материальных и человеческих ресурсов;
- бесплатные пайки;
- сражаться до последнего, чтобы снять осаду.

Единственным ответом правительства на плакат был приказ почувствовавшего уязвимость Л. Трошю написать на всех городских стенах: «Губернатор Парижа не капитулирует!». Париж ненадолго почувствовал спокойствие, однако... ох, если бы его слова были правдой...

ВОССТАНИЕ 22 ЯНВАРЯ

«В знак протеста я, по примеру товарищей, решила захватить с собой ружье» — Луиза Мишель.

Незадолго до событий этого восстания, а конкретно 18 января, была провозглашена единая Германская империя, из-за объединения которой и произошла франко-прусская война. С этого момента корректнее будет упоминать не одну Пруссию, а именно империю.

Ранним дождливым и холодным утром 19 января была предпринята провальная попытка вывести войска из осажденной столицы в Версаль. Эта операция, возглавляемая генералом Л. Трошю, в истории именуется как «Битва при Бюзенвале» (19 – 20 января 1871 г.). Сражение шло целый день, и французская армия со значительными потерями понемногу освобождала территорию. Это продолжалось до тех пор, пока противник решительно не контратаковал, что вынудило генерала Трошю приказать отступить. Его войска начали беспорядочно убегать в окопы, а пруссаки, утаившись в темном лесу, расстреливали их в упор.

В конце проигранной битвы потери французской стороны насчитывали 4070 человек (1/3 из которых были национальными гвардейцами), а прусской — 610. Битва при Бюзенвале была последним сражением этой войны — после нее французская армия больше не имела шансов пробить осаду. Генерал Трошю был опозорен перед всей Францией, в том числе перед Правительством национальной обороны.

Также интересный факт про это: у писателя Виктора Гюго есть ряд стихотворений про события франко-прусской войны, которые включены в сборник «Грозный год», датируемый 1872 годом. Одно из стихотворений высмеяло оплошности Л. Трошю, оно вышло под названием «Ты, генерал «Прошу!», благочестивый, строгий» (в оригинале и переводе задействована игра созвучных слов — фамилии «Trochu» и выражения «Trop choïg», что означает «далеко падать»). Текст стихотворения (сокращенно):

“ (Вианден, июнь 1871 г.)

*Ты, генерал «Прошу!», благочестивый, строгий,
Чьим добродетелям бесчисленным — в итоге —
Грош ломаный цена; испытанный солдат,
Хоть слишком отступить спешащий, говорят.*

[...]

*Как! Недоволен ты? Пять месяцев носили
Мы голод, холод, страх, — был каждый полн усилий
Предельных и тебя ни в чем не укорял.
Воображай, что ты — великий генерал!
Не стану возражать. Но если надо войско
Вести в поход иль в бой за славою геройской,
Я барабанщика простого предпочту.*

[...]

*И о тебе сказать история должна:
«Он Францию лишил свободного размаха,*

*И трижды гордый край, вовек не знавший краха,
Тот край, что на ноги поставил Гамбетта, —
По милости Трошю, постигла хромота»
(Виктор Гюго в сочинении «Грозный год», издание 1872 г.).*

Последняя битва была унижительно проиграна оплошностью командования, и правительству уже не оставалось ничего, кроме как готовиться к предстоящим переговорам. Хоть среди правительства еще оставались сторонники войны до конца, все же ошибки Л. Трошю помогли сделать продолжение этой войны невозможным.

“ «Таким образом, эта власть, едва придя к власти, отказывается от своих обязательств, отвергает совет, о котором сама просила. Так в чем же секрет победы? Но Трошю только что сказал: «Сопrotивление — это героическое безумие». Пикар: «Мы будем защищаться ради чести, но всякая надежда иллюзорна». Адольф Кремье: «Пруссаки войдут в Париж, как нож в масло». Начальник штаба Трошю: «Мы не можем защищаться; мы решили не защищаться». И вместо того, чтобы честно предупредить Париж, сказать ему: «Сдавайтесь немедленно или ведите борьбу самостоятельно», эти люди, которые заявляют о невозможности защиты, требуют для себя единоличное руководство».

* * *

«Париж, считавший себя победителем, проснулся от предзнаменования гибели Трошю. Генерал запросил двухдневное перемирие для эвакуации раненых, захоронения погибших, а также «время, транспорт и достаточное количество носильщиков». Число убитых и раненых составило близко трех тысяч человек. Наконец, Париж увидел пропасть. Защитники, пренебрегая дальнейшим сокрытием своих намерений, вызвали мэров и заявили им, что любое сопротивление невозможно. Трошю добавил, чтобы утешить их, что «еще вечером 4 сентября он заявил, что было бы безумием пытаться выдержать осаду прусской армии». Мрачная новость вскоре распространилась по всему городу» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

Вечером 21 января на заседании правительства произошел скандал, во время которого озлобленные выходками Трошю депутаты решали его дальнейшую судьбу. Ж. Фавр приказал ему уйти в отставку, а «апостол» [18] вовсе настоял на увольнении.

Солнце зашло за горизонт и наступила холодная январская ночь, которая принесла не очень хорошие известия. Около 3 часов ночи заседание прервала новость, что тюрьма Мазас подверглась нападению, поэтому Л. Трошю быстренько отстранили от поста губернатора (однако сохранили должность председателя правительства) и поставили на его место офицера Жозефа Винуа.

Чьих же это рук дело? Наслышанные о решении правительства сдаваться, члены Национальной гвардии и политических клубов (среди которых, кстати, была Луиза Мишель, впервые взявшая в руки оружие и непосредственно принимавшая участие в борьбе), решили не ждать Коммуны сверху и потому учредить ее самостоятельно снизу, попутно освободив из тюрьмы Г. Флуранса, который, как уже известно, находился там после октябрьского инцидента. Вот как проходил план по освобождению Г. Флуранса, которым делится с нами Луиза Мишель:

«Двадцать первого января днем [...] Грефье попросил разрешения повидать надзирателя тюрьмы Мазас, с которым познакомился во время своего заключения.

Дойдя до круглой площадки, Грефье спросил у сторожа самым равнодушным тоном, где находится «старик». Так друзья называли Гюстава Флуранса. [...]

— Коридор Б, камера девять, — ответил, ничего не подозревая, сторож. Действительно, направо тянулся коридор, обозначенный буквой «Б». В десять часов вечера на улице де Курон в Бельвиле к ним присоединились 75 вооруженных людей.

Этот маленький отряд, зная пароль, разыгрывал из себя военный патруль и перекликался с другими патрулями, встречавшимися на пути его следования к тюрьме.

[...] Первые 12 человек должны были обезоружить часового, четверо других — справиться со сторожем.

Тридцать человек должны были ворваться в караульное помещение, рассыпаться между ружейными козлами и походными койками, на которых спали гвардейцы, взять перед ними ружья на изготовку и тем помешать им сделать хоть малейшее движение.

Остальные 25 заговорщиков должны были подняться на круглую площадку, арестовать шесть сторожей, заставить их открыть камеру Флуранса, запереть их туда, затем быстро спуститься, запереть на ключ стеклянную дверь, выходящую на бульвар, и удалиться» (Луиза Мишель, Ibid.).

Этот план был выполнен с «математической точностью», и оказавшийся на свободе Г. Флуранс сразу примкнул к рядам революционеров. Толпа вместе с ним решительно направилась к мэрии XX округа, где по прибытию ударила в набат, провозглашая Коммуну.

Тем временем командование Национальной гвардии уже успело распечатать и разослать афишу, обвинившую всех сторонников восстания в предательстве, призывая уничтожить их (главнокомандующий К. Тома и национальные гвардейцы были по разные стороны конфликта).

Несмотря на это, марш продвигался к площади Отель-де-Виль, где находилась резиденция правительства, которую переполоханные ее члены забили солдатами и мешками с землей. Они ждали прихода революционеров, и вскоре вооруженная толпа начала заполнять площадь перед ратушей; молодые люди, забираясь на фонари, кричали: «Долой правительство!». Народ продолжал сходиться, а солдаты пристально, не отводя глаз, глазели на него без возможности пошевелиться. Тем не менее из толпы к ратуше направились делегаты для решения вопроса мирным путем, которых принял внутри мэр Гюстав Шодэ. Но ведь это не может закончиться так просто, верно?

“ «В эту минуту ратуша напоминала корабль среди океана, зияющий открытыми пушечными люками: толпы людей вначале вздымались подобно валам, затем затихли и ждали. [...] Вдруг Шодэ вошел в ратушу.

— Сейчас, — заговорили в толпе, — он прикажет стрелять в нас. Тем не менее была сделана попытка проникнуть за решетку, где стояли офицеры, осыпавшие толпу бранью.

— Вы не знаете, что вас ожидает за противодействие воле народа, — сказал им старый Мабиль, один из стрелков Флуранса.

— Плевать мне на это, — ответил офицер, только что выпустивший заряд ругательств, и направил свой револьвер на соседа Мабилья, который, в свою очередь, ринулся на него.

Через несколько минут после того, как Шодэ вошел в ратушу, за одной из дверей раздался звук, похожий на удар рукояткой шпаги; затем раздался одинокий выстрел» (Луиза Мишель, Ibid.).

Толпа угадала. Удар и выстрел были сигналом, после которого из окон на площадь равномерно посыпался шквал пуль. Между национальными гвардейцами и солдатами ратуши началась перестрелка. По словам Луизы Мишель, солдаты стреляли холодно и беспощадно; толпа косилась под градом пуль и на землю падали простые невиноватые прохожие, падали женщины с детьми. Стоящие на баррикаде (опрокинутом набор омнибусе [19]) Мабиль и Малезье, словно статуи героев, бесстрашно отвечали огнем, пока вражеские пули поражали все вокруг. Малезье остался невредимым, но...

“ «Вечером мы увидели папашу Малезье все в том же широком сюртуке, изрешеченном пулями наподобие мишени»(Луиза Мишель, Ibid.).

Однако сражение продлилось недолго. Гвардия вынуждена была отступить в связи с недостаточностью патронов. Как скрывались от преследований Луиза Мишель с остальными революционерами, нам неизвестно. Однако известно о действиях правительства. По распоряжению Ж. Ферри на улицах появился плакат, несколько искажавший и приукрашивший события (сокращенно):

«МЭРИЯ ПАРИЖА

22 января, 16:52.

*Кучка мятежно настроенных национальных гвардейцев из 101-го маршевого полка попыталась покуситься на мэрию, открыла огонь по офицерам и тяжело ранила адъютанта-майора мобильной гвардии; наши войска ответили огнем, а по мэрии все стреляли из окон заранее занятых домов, стоявших напротив.

Они бросали бомбы и стреляли взрывающимися пулями; нападение было самым подлым и мерзким! Было произведено более ста выстрелов из ружей по полковнику и офицерам в тот момент, когда они провожали делегацию, принятую мгновением ранее в мэрии, и не менее подлым впоследствии, когда после первой очереди, площадь опустела и огонь с нашей стороны прекратился, нас расстреляли из окон!

Жюль Ферри» (Плакат, 22 января 1871 г.).

Начались преследования всех, кто принимал участие в восстании: было создано несколько тысяч ордеров на арест, однако приведено в исполнение лишь несколько (среди арестованных также оказался Ш. Делескюз всего лишь за ведение газеты); мэры боялись, что это может привести к новому восстанию. Те, кого удалось задержать, столкнулись со страшными условиями: в тюрьме Венсенн они мерзнули на протяжении 8 зимних ночей, не имея возможности согреться. 65-летнего полуживого старика Ш. Делескюза, болевшего острым бронхитом, выпустили в феврале из-за его критического состояния здоровья.

Вечером того же 22 числа был распространен новый плакат от правительства, на этот раз уже ограничивающий деятельность политических клубов:

“ «Правительство национальной обороны

Учитывая, что в результате преступных подстрекательств, очагами которых стали некоторые клубы, гражданская война была развязана несколькими агитаторами, отвергнутыми всем населением;

Что необходимо положить конец этим отвратительным маневрам, представляющим опасность для отечества и которые, в случае их повторения, запятнали бы до сих пор безупречную честь обороны Парижа, постановляем:

- клубы упраздняются до окончания осады. Помещения, в которых они проводят свои заседания, будут немедленно закрыты;
- нарушители будут наказаны в соответствии с законами.

Статья 2. Префект полиции несет ответственность за исполнение настоящего декрета

*Генерал Трошю, Жюль Фавр,
Эммануэль Араго, Жюль Ферри» (Плакат, 22 января 1871 г.)*

КАПИТУЛЯЦИЯ

«Во время войны рабочие ограничивались требованием продолжения борьбы, но после капитуляции — господство имущих классов находится в опасности» — Фридрих Энгельс.

Рабочие разосланы по тюрьмам; политические клубы закрыты; правительство, ранее трубившее о ведении войны до конца, делает все для ее окончания под любыми условиями. На следующий день после восстания — 23 января — Ж. Фавр действительно сделал первый шаг в задуманном, он встретился с Бисмарком в Версале для обсуждения перемирия.

Канцлер Бисмарк повторил безоговорочные требования:

- Франция должна провести выборы для формирования ассамблеи, которая ратифицирует мирный договор;*
- Крепости, окружающие столицу, должны быть переданы победителю;*
- Солдаты, защищающие Париж, должны быть разоружены;*
- Немцы войдут в Париж;*
- Франция должна заплатить выкуп в размере 4 миллиардов золотых франков;*
- Перемирие планируется на период трех недель, в течение которых будут вестись переговоры о предварительных условиях мирного соглашения.*

Переговоры продлились до 26 января, и 3 недельное перемирие должно было вступить в силу через 2 дня.

Хоть Ж. Фавр и добился смягчения некоторых требований (например, Национальная гвардия, в отличие от остальной армии, не была разоружена), прекращение огня не входило в перемирие. Ж. Фавр благополучно забыл сообщить об этом нюансе в штаб, и поэтому армия, об этом не узнавшая, подверглась неожиданному жестокому нападению со стороны прусских солдат. Потери составили близко 15 тыс. человек; солдаты были вынуждены отступить и укрылись в Швейцарии, где организация Красного Креста оказала им помощь.

28 января перемирие вступило в силу. Париж капитулировал. Вместе со снятием осады, бомбардировки столицы прекратились.

“ «Бомбардировка Парижа психологически успокаивала в том смысле, что все-таки оставалась еще надежда на последний бой. Когда после 28 января она прекратилась, население почувствовало, что его предали; оставался один исход: умереть, если только восстание невозможно» (Луиза Мишель, Ibid.).

Франция почти капитулировала. Предстояло лишь провести легитимные выборы для того, чтобы перемирие официально вступило в силу. На это Германия выделила те самые 3 недели. Пока не было заключено окончательного мира, прусские войска держали под своим контролем форты, чтобы не дать войне возобновиться.

Тот самый Ж. Фавр, который в первые дни сентября гордо восклицал Пруссии и даже всей Европе: «Мы не уступим ни пяди нашей территории, ни камня наших крепостей!», теперь соглашается с разорением собственной страны, говоря: «Франция — лучше осведомленная (чем Париж) об истинном состоянии наших ресурсов, смирилась с миром и хотела его как можно скорее».

АДОЛЬФ ТЬЕР У ВЛАСТИ

“ «В результате перетасовки карт Тьер, до сих пор втайне руководивший правительством, вдруг стал во главе его, а уголовные преступники сделали его министрами» — Карл Маркс.

Январь закончился; наступает февраль, 8 числа которого Правительство национальной обороны провело выборы в парламент Национального собрания. После начала перемирия началась подготовка к этим выборам, все партии занимались подбором кандидатов.

Фактически эти выборы были не столько для выборов, сколько для сторонников продолжать или прекращать войну. Начались споры: например, 29 января газета «Время» гласила: «У ассамблеи в Бордо будет только одна цель: голосование по миру», а газета «Век» 31 января утверждала обратное: «Это будет суверенная ассамблея; она будет действовать в полной мере своего суверенитета; она сама определит масштабы, характер и продолжительность своего мандата».

8 февраля начались сами выборы. Тут и появился А. Тьер, который будучи достаточно авторитетным и надежным политиком, был избран в 26 департаментах, и все партии, кроме бонапартистской, выдвигали его кандидатуру. Он был «другом всех» — его авторитет признавали республиканцы и орлеанисты: первые считали его своим, а последние любили его из-за старых заслуг (т. к. он был видным лицом при Июльской монархии [20]); легитимисты и бонапартисты же считали его просто наименьшим из зол. Ни один человек во Франции не мог похвастаться столь долгой и славной политической историей, столь обширным опытом или столь «проверенной и непоколебимой мудростью».

«Тьер, этот карлик-чудовище, в течение почти полу столетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой самое совершенное идейное выражение ее собственной классово-испорченности. Прежде чем стать государственным мужем, он уже обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции» (Карл Маркс, Ibid.).

Принималось множество партий, хотя Л. Гамбетта выступал за запрет баллотироваться на государственные должности тем, кто имел связи с политикой Второй империи (однако Ж. Симон не допустил этого). Хотя это не так важно, так как на выборах на удивление, победили орлеанисты. Это объясняется тем, что они, во-первых, поддерживались провинциальным консервативно настроенным населением (которое составляло большинство населения); во-вторых, не имели доступа к власти свыше 20 лет, потому не были причастны ко всем этим трагедиям; в-третьих, были сторонниками скорейшего заключения мира.

Таким образом, новое Национальное собрание состояло из победивших на выборах монархистов.

«Было ясно, что ассамблея, созданная на основе всеобщего избирательного права, обладала абсолютной, суверенной властью» (Жюль Симон об ассамблее Национального собрания).

На 12 февраля (фактически оно состоялось 13-го) было назначено проведение первого заседания ассамблеи Национального собрания в Большом театре Бордо. На заседании Правительство национальной обороны добросовестно передало все свои полномочия ассамблее. Ж. Фавр, представлявший правительство, объявил:

«Теперь мы всего лишь ваши подданные, готовые ответить за все наши действия, убежденные, что при их рассмотрении мы столкнемся лишь с той преданностью, которая будет вдохновлять каждое ваше решение» (Жюль Фавр на первом заседании ассамблеи Национального собрания, 13 февраля 1871 г.).

16 февраля ассамблея избрала своего председателя в лице Жюля Греви — он получил 519 голосов из 559, да и для ассамблеи, состоящей из монархистов, было важно давать право республиканцам.

А на следующий день — 17 февраля — была принята резолюция, назначающая А. Тьера, доверенного орлеаниста, «главой исполнительной власти Французской республики». Эта резолюция окончательно утвердила суверенную и законную ассамблею Национального собрания, и дала ей право решать вопросы политического режима Франции.

19 февраля А. Тьер, как законный глава, составил кабинет министров из представителей разных партий, в него вошли Ж. Фавр, Ж. Ферри, Ж. Симон, Ж. Дюфор, Э. Пикар и другие.

«В тот день собрание было бурным, тревожным и едва способным к голосованию. Каждый из последних восьми дней приносил все более серьезные угрозы из Бордо. Господин Тьер, могильщик Республики 1848 года, назначил главой исполнительной власти Дюфора, де Ларси и Пуйе-Кертье своими министрами — буржуазной, легитимистской и империалистической реакции; Жюля Фавра, Жюля Симона и Пикара — парижскими посредниками; все еще необходимую заработную плату, пока мастерские не возобновили работу, превратившуюся в мизер, и, прежде всего, ужасное, неизбежное унижение» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

В тот же день был заключен т. н. Бордовский пакт — примирение между сторонниками различных партий по причине нестабильности в стране. Пакт отложил планы на будущее внутренней Франции, поставив на первый план решение внешних проблем. Именно поэтому Франция оставалась республиканской. На трибуне А. Тьер заявил:

“ «Сперва нужно положить конец злу, которое нас поражает, включая иностранную оккупацию, восстановить армию после поражения, реформировать местные советы, восстановить финансы страны, спланировать возвращение заключенных, содержащихся за границей, и накормить население, которое вынуждено отдавать иностранным солдатам последние остатки хлеба.

Поэтому отложите на не слишком отдаленный срок принципиальные разногласия, которые нас разделяли, которые однажды могут нас разделить, и давайте вернемся к ним только тогда, когда эти разногласия перестанут представлять угрозу существованию и безопасности страны» (Адольф Тьер объявляет Бордовский пакт 19 февраля 1871 г.).

С этого момента правительство теперь олицетворяет не республиканское Правительство национальной обороны (которое сложило свои полномочия ранее), а Национальное собрание, состоящее преимущественно из орлеанистов и тех же демократов.

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

“ «Если французские рабочие не могли остановить агрессора в мирное время, то больше ли шансов у немецких рабочих удержать победителя во время военной горячки?» — Карл Маркс.

21 февраля А. Тьер встретился с Бисмарком, и тот сказал ему, что продление 3 недельного перемирия невозможно. Спустя 5 дней — 26 февраля — в Версале был заключен предварительный мирный договор между Францией и Германской империей [21]. Первые выплаты последним контрибуцию, сдали такие территории, как Эльзас, Мозель, Мерт и Вогезы.

«Перемирие, продленное на восемь дней, истекало 26-го, и газеты предсказывали на 27-е вход пруссаков в Париж. Уже неделю этот кошмар не давал спать парижанам. Поэтому на собрании сразу же перешли к обсуждению наиболее важных вопросов. Один из делегатов предложил: Национальная гвардия признает своими начальниками только своих избранных. Другой: Национальная гвардия протестует против любой попытки разоружения и заявляет, что в случае необходимости будет сопротивляться ей с помощью оружия» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

Этот акт вызвал большое негодование у всех. Народ с красными флагами начал толпиться на площадях, Национальные гвардейцы маршировали на улицах, присоединяясь к бастующим; многие республиканские депутаты подали в отставку, отрекаясь от Национального собрания и отрицая его легитимность. Наверное, Проспер-Оливье Лиссагарэ лучше, чем кто угодно сможет передать эти народные настроения, поэтому приложим несколько абзацев про февраль из его книги:

«Протесты усилились. Полицейский, которого солдаты застали за тем, что он записывал номера их полков, был схвачен и брошен в канал, который унес его в Сену, куда за ним последовали разъяренные толпы. В этот день, полный тревоги, прошли двадцать пять батальонов. Газеты объявляли о входе немецкой армии на Елисейские поля на следующий день. Правительство отводило свои войска на левый берег и переносило Дворец промышленности. Оно забыло только о четырехстах пушках Национальной гвардии, сосредоточенных на площади Ваграм и в Пасси. Уже халатность капитулянтов, — как писал Винуа, — привела к тому, что пруссакам было передано на двенадцать тысяч ружей больше, чем следовало. Кто знает, не протянули ли бы они свои коварные руки и к этим прекрасным орудиям, отлитым кровью и плотью парижан, с маркировкой номеров батальонов. Все спонтанно об этом подумали. Первыми вышли батальоны из Пасси и Отей; по согласованию с муниципалитетом они оттащили орудия из Ранелага в парк Монсо. Остальные батальоны Парижа пришли за своими пушками в парк Ваграм и отвезли их в город: на Монмартр, в Ла-Виллет, Бельвиль, на площадь Вогезов, улицу Басфруа, к Барьер-д'Итали и т. д.

Вечером Париж вновь обрел облик осажденного города. Потребование к мобилизации, тревожный звон, звуки горна бросили тысячи вооруженных людей к Бастилии, к Шато-д'О, на улицу Риволи. Войска, отправленные Винуа для подавления демонстраций у Бастилии, братались с народом. Тюрьма Сент-Пелажи была взята штурмом, Брюнель освобожден. В два часа ночи сорок тысяч человек шли по Елисейским полям и проспекту Гранд-Арме, навстречу пруссакам. Они ждали их до рассвета. Возвращаясь, батальоны Монмартра запрягались в пушки на своем пути и катили их перед мэрией XVIII округа и на бульвар Орнано.

На этот рыцарский порыв Винуа ответил унижительным приказом дня. Это правительство, которое оскорбляло Париж, просило его снова пожертвовать собой ради Франции. Накануне вечером г-н Тьер, тоже со слезами на глазах, подписал предварительные условия мира и в обмен на Бельфор предоставил Бисмарку свободный вход в Париж. 27-го, в объявлении, сухом как протокол, Пикар сообщил, что 1 марта тридцать тысяч немцев займут Елисейские поля» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.)

Совсем не удивителен тот факт, что после подписания мира люди взбунтовались. Как можно было бы понять из ранее случившихся восстаний, причина народного негодования, несмотря на требование муниципалитета, заключалась в продолжении войны до конца. Правительство Тьера в первую неделю своего существования официально капитулировало, что обесценило всю ту инициативу французского народа бороться за себя.

«28-го, в два часа дня, комиссия, уполномоченная разработать устав Центрального комитета, собралась в мэрии 3-го округа. Она созвала командиров батальонов и делегатов различных военных комитетов, спонтанно образовавшихся в Париже, таких как комитет Монмартра на улице де Розье. Заседание, которое вел Бержере из Монмартра, было грозным. Большинство говорили только о сражении, предъявляли императивные мандаты, напоминали о собрании в Воксхолле. Практически единогласно было решено взять в руки оружие против пруссаков.

Весь день жители пригородов вооружались, захватывали боеприпасы. Несколько орудий на лафетах вернулись на свои места; мобилизованные, забыв, что они являются военнопленными, вновь взяли в руки оружие в своих секторах. Вечером они ворвались в казармы Ла-Пепиньер, занятые моряками, и повели их на демонстрацию к Бастилии.

Катастрофа была неизбежна, если бы не мужество нескольких человек, осмелившихся пойти против течения. Вся «Кордери» — Центральный комитет двадцати округов, «Интернационал», Федерация профсоюзных палат — с ревнивой настороженностью наблюдала за этим зародышем комитета, состоящим из неизвестных людей, которых никогда не видели ни в одном революционном движении. Выйдя из мэрии 3-го округа, несколько делегатов батальонов, которые также принадлежали к группам «Кордери», пришли рассказать о заседании и отчаянном решении. Их пытались отговорить, и в «Воксхолл», где проходило большое собрание, были отправлены ораторы. Им удалось добиться внимания. Многие граждане также приложили большие усилия, чтобы пробудить здравый смысл. Утром 28-го три группы из «Кордери» опубликовали манифест, призывающий рабочих воздержаться от действий. Любое нападение, — говорили они, — послужит поводом для врагов Революции нанести удар по народу, который утопит социальные требования в реке крови. Мы помним мрачные дни июня» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

После манифеста пыл немного угас, хоть было по-прежнему больно. Делегаты «кордельеров» остановили необдуманный народный гнев, предотвратив катастрофу. Всего один снаряд, прилетевший с Монмартра, мог бы поставить крест на всей Франции разом.

Тем не менее народ продолжал протестовать и вооружаться. Париж словно существовал в отрыве от всей страны, именно после подписания мирного договора власти ощутили всю ярость и ненависть тех, кто весь последний год требовал самоорганизацию, а в итоге получил мирный договор, в котором не участвовал.

ВОССТАНИЕ 18 МАРТА

“ «Винуа хотел прекращением уплаты жалованья национальной гвардии добиться того, чтобы та начала открытую борьбу; мы считали, однако, этот путь опаснее прямого вызова» — Жюль Фавр.

Наконец мы подобрались к той самой долгожданной революции 18 марта, о которой говорили в самом начале. Мы прошли длинный путь, однако теперь у нас есть представления о будущей Коммуне, ее целях и методах. Даже не говоря о ней, мы можем примерно представить дальнейшие события. Теперь непременно понятно, почему и как случилась эта революция, о которой мы будем говорить в этой главе.

“ «Чтобы утешить Париж за этот позор, Тьер назначил д'Орелля де Паладина, эвакуатора Орлеана, жестокого командующего луарской армией, уволенного Гамбеттой, генералом Национальной гвардии — того самого человека, который в недавно опубликованном письме императору сетовал на то, что не смог приехать в Париж 2 декабря 1851 года, чтобы устроить резню парижан. Два сенатора-бонапартиста, два палача во главе Парижа. Республиканский Париж ощутил приближение государственного переворота» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

Наступил март. Гнев парижан все еще не угасал. Центральный комитет продолжал упорно работать и набирать значимость в народных пролетарских массах, объединяя пролетариат и мелкую буржуазию в общем интересе отстаивать свои права; а национальные гвардейцы, будучи такими же простыми людьми, активно сопутствовали этому.

Париж, живший своей новой жизнью, начал беспокоить А. Тьера и его Национальное собрание. За невероятно короткий срок в нем все более и более росла революционная жизнь. При условиях, тесно сузивших его свободу, народ разорвал кандалы и больше не боялся. Правительство Тьера, понимая небезопасность происходящего, решает перебраться в Версаль и обустроить штаб своего правительства именно там.

Хотя одним лишь беспокойством не обошлось: 3 марта Э. Пикар (ставший министром внутренних дел при Тьере) осудил т. н. «анонимный комитет», призывая всех «добропорядочных» граждан пресечь его деятельность и подавить «преступные»

демонстрации. Это было слишком комично, учитывая то, что комитет действовал более чем прозрачно и вся его деятельность отображалась в газетах. Центральный комитет национальной гвардии не был ни экстремистской организацией, ни тем более преступной бандой, а порядочной рабочей организацией при законной республике. Сам же комитет опроверг это, заявив:

“ «Комитет не анонимен; это собрание представителей свободных людей, стремящихся к солидарности между всеми членами Национальной гвардии. Его действия всегда подписываются. Он с презрением отвергает клевету, обвиняющую его в подстрекательстве к насилию, грабежу и гражданской войне» (заявление Центрального комитета национальной гвардии 4 марта 1871 г.).

По причине того, что банк не возобновил нормальную работу, в тот же день Национальное собрание приняло декрет, отменяющий выплату задолженных ими векселей, лишив около 300 тыс. работников своих сбережений.

Помимо этого, также была отменена и так мизерная выплата жалованья (1.5 ливра в день) национальным гвардейцам, тем самым лишив единственного источника заработка более 180 тыс. солдат. И тогда же недавно назначенный на эту должность главнокомандующего Национальной гвардии, Л. д’Орель де Паладин, призвал командиров батальонов очистить гвардию от «неблагополучных элементов». Вот такой предательский ход.

Правительство активно разоружало и увольняло оставшихся после капитуляции солдат. На фоне вражды Национальной гвардии и правительства, первая тоже попала под руку А. Тьера — он твердо принял решение — конфисковать артиллерию в количестве 267 пушек, выделенных специально для Национальной гвардии на время парижской осады. Как он полагал, сделать это будет проще, чем отобрать пустышку у маленького ребенка.

18 марта А. Тьер поручил Ж. Винуа забрать принадлежащие гвардии орудия, которые находились на высоте Монмартра и районах Бельвиля и Батиньоля. В 3 часа ночи за ними были высланы части 88 батальона Национальной гвардии, возглавляемые генералом Клодом Леконтом. В ночь с 17-го на 18-е они заняли предместья, однако не проявляли враждебности к другим национальным гвардейцам.

В 6 часов утра на пост было совершено нападение: в охраняющего пушки часового по имени Тюрпен выстрелили, повалив его с ног, и оставили его так до тех пор, пока его не обнаружили.

“ «Мы с маркитанткой разорвали одежду и сделали перевязку Тюрпену [...], затем я спустилась с холма, пряча ружье под плащом и крича: «Измена!»...» (Луиза Мишель, *Ibid.*)

После этого нападающие солдаты убежали к посту на улице Розье. Они втихую взяли его штурмом и связали находящихся там национальных гвардейцев, бросив их в подвал башни.

Теперь, казалось бы, ничего не должно было помешать их плану.

Солдаты спустили артиллерию с холмов, однако были вынуждены ожидать еще подкреплений конной упряжки для их перевозки. На улице Лепик жители столпились и бросались на орудия, всячески мешая солдатам закончить свое дело до конца.

Между тем Комитет бдительности Монмартра поднял тревогу, и 6 вооруженных батальонов гвардии выдвинулись к холмам. Исходя из слов Луизы Мишель, вместо сопротивления она вместе с товарищами встретила победу обычного народа над вражеским войском.

“ «На рассвете Монмартр просыпался, били тревогу. Сдержав свое слово, я возвращалась, но не одна, а с теми, кто шел отбивать холмы. Мы бросились в атаку, зная, что на вершине выстроилась в боевой порядок целая армия... Между нами и ними на пушки и митральезы бросаются женщины, а солдаты оставались неподвижны» (Луиза Мишель, Ibid.).

Солдаты 88 батальона смешались с прибывшими национальными гвардейцами, также присоединялась безоружная толпа, приняв участие в этом сражении.

Тогда же генерал К. Леконт скомандовал своим атаковать толпу гвардейцев и гражданских. Как только он приказал «*Chargez à la baïonnette!*» («зарядить штыком!»), из строя вышел унтер-офицер Фредерик Вердагер и прокричал «*Crosse en l'air!*» («приклады в воздух!») громче него.

Солдаты подчинились Вердагеру. Пока К. Леконт продолжал беспомощно отдавать приказы, гвардейцы обеих сторон братались друг с другом и после арестовали генерала. Объединенные войска увели его на улицу Розье, где уже находился генерал Национальной гвардии генерал К. Тома, замеченный в гражданской одежде за изучением монмартрских баррикад. Обоих военачальников доставили в штаб-квартиру Монмартра в районе Шато-Руж, где К. Леконт подписал приказ об эвакуации из холмов. Однако, уходя из квартиры на ту же улицу Розье, они были расстреляны собственными же солдатами. Как говорит Луиза Мишель: «*Ружья, казалось бы, сами стреляли!*»

“ «По пути оба генерала нашли себе непримиримых врагов в лице собственных солдат. Монмартрские революционеры, быть может, и спасли бы их от столь заслуженной смерти, хотя приговор над Клеманом был произнесен уже давно теми, кто помнил об его июньских подвигах. Возбуждение против них все росло, раздался выстрел: ружья, казалось, сами стреляли» (Луиза Мишель, Ibid.).

Также немного позже снова прошли неудачные попытки отвоевать пушки, однако они были тщетны. К 11 часам парижские улицы уже погрузились в тишину, а местные жители убрали разбросанную брусчатку.

КАК ТЬЕР В ВЕРСАЛЬ УБЕЖАЛ

“ «Жандармы, скрытые за бараками, на внешних бульварах, не могли держать позиции, и Винуа бежал с площади Пигаль, потеряв, как говорят, свою шляпу» — Луиза Мишель.

“ «Правительство испарилось, как гнилое болото, осушенное весенним ветром, и девятнадцатого Париж, не пролив ни капли крови, был свободен от смрада, заражавшего великий город» — Петр Кропоткин.

Напуганный А. Тьер провалом собственной гениальной операции, впал в отчаяние. Ему не удалось отобрать пустышки у монмартрских детей, и потому он объявил об эвакуации из Парижа и переезда в соседний Версаль, чтобы восстановить утерянные силы.

В 5 часов дня Ж. Винуа отправил письмо Тьеру с воззванием отступить: «Надевайте пальто! Ворота в Булонский лес под охраной, что гарантирует ваш выезд», и А. Тьер вместе с остатками войск отступил в Версаль, в который он перенес столицу республики. На следующий день пригород бывшей столицы был обвешан пропагандистскими плакатами с автографами А. Тьера:

“ «Жители Парижа. Под предлогом сопротивления пруссакам, которых больше нет в ваших стенах, злонамеренные люди захватили часть города и украли у государства пушки. [...] Виновные, претендующие на установление правительства, будут привлечены к ответственности. Порядок должен быть восстановлен любой ценой, полностью, незамедлительно и неизменно» (Плакат Адольфа Тьера, 19 марта 1871 г.).

Революция приносила громкий и быстрый успех. А. Тьер и остальные лица его правительства были деморализованы быстрым поражением простому народу, в руки которому они сами же отдали оружие. Республиканская армия была разгромлена и насчитывала всего 22 тыс. боеспособных солдат и находилась в изнеможении. К тому же высокопоставленный республиканский офицер Луи-Натаниэль Россель написал письмо военному министру, в котором оповестил о своем переходе на сторону революции:

“ «Мой генерал, имею честь сообщить вам, что я еду в Париж, чтобы предоставить себя в распоряжение правительственных сил, которые могут быть там сформированы. [...] Я без колебаний ставлю себя на сторону того, кто не подписал мирный договор и в чьих рядах нет генералов, виновных в капитуляции» (Признание Луи-Натаниэля Росселя, 19 марта 1871 г.).

В связи с перемещением правительства, Париж ненадолго погрузился в тишину. Национальная гвардия отвоевала форты Венсенн, Шарантон, Исси, Иври, Бикетр, Монтрж и

Ванв. Однако во время этого была совершена большая оплошность с их стороны: новоизбранное командование гвардии не зашло в форт Мон-Валерьен, находящийся на западном пригороде Парижа, и остатки республиканских войск под предводительством Ж. Винуа заняли его, тем самым навсегда отрезав возможность революционерам идти в наступление.

“ «Победа была полная; она была бы и прочной, если бы на следующий же день мы всей массой тронулись на Версаль, куда бежало правительство. «В Версаль!» — кричал Теофиль Ферре, взобравшись на погребальную колесницу. Казалось, что мы уже идем туда. Промедление казалось Монмартру невозможным. Но Версаль пришел к нам, а не мы к нему: вернее, его привели к нам наши собственные предрассудки, наша нерешительность» (Луиза Мишель, Ibid.).

Уже 18 марта находящееся в Версале правительство выкатило официальное сообщение с обвинением Центрального комитета национальной гвардии, который, якобы, пособничает с преступниками. Все это были попытки наглой лжи, попыткой вернуть авторитет в глазах парижан:

“ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ ПАРИЖА

Распространяется нелепый слух, будто правительство prepares государственный переворот.

У правительства Республики нет и не может быть иной цели, кроме блага Республики. Меры, которые оно приняло, были необходимы для поддержания порядка; правительство хотело тогда и хочет теперь при помощи этих мер покончить с повстанческим комитетом, члены которого, почти поголовно неизвестные населению, являются представителями коммунистических учений и грозят предать Париж разграблению, а Францию — могиле. Это произойдет, если национальная гвардия и армия не выступят дружно на защиту отечества и Республики» (Сообщение Национального собрания, 18 марта 1871 г.)

Также Э. Пикар, по просьбе генерала Л. д'Ореля де Паладина, отправил Центральному комитету национальной гвардии распоряжение, где упрекал его в том, что гвардия оказывает содействие «нескольким заблудшим людям, ставящих себя выше закона и подчиняющихся лишь тайным лидерам, и которые направляют пушки, захваченные у пруссаков, против Парижа» и «хочет оставить столицу на произвол судьбы».

“ «А газета «L'Officiel» в первой из тех прекрасных статей, где Моро, Рожеар и Лонге комментировали новую революцию, писала: Пролетарии столицы, на фоне провалов и предательств правящих классов, поняли, что для них настал час спасти положение, взяв на себя руководство государственными

делами... Едва придя к власти, они поспешили созвать на собрание народ Парижа... В истории нет примера, чтобы какое-либо временное правительство так поспешило сложить полномочия... Видя такое бескорыстное поведение, задаешься вопросом, как может найтись пресса, достаточно несправедливая, чтобы обрушить на этих граждан клевету, оскорбления и унижения. Рабочие, те, кто все производит и ничем не пользуется... неужели они должны постоянно подвергаться оскорблениям? Неужели им никогда не будет позволено работать над своим освобождением, не вызывая на себя шквал проклятий?... Буржуазия, их старшая сестра, которая достигла своего освобождения более трех четвертей века назад, разве не понимает сегодня, что настала очередь освобождения пролетариата... Почему же она упорно отказывает пролетариату в его законной доле?»(Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

Тем временем Центральный комитет национальной гвардии, который никуда не спешил, перенес свою резиденцию в ратушу Отель-де-Виль, на которую был повешен большой красный флаг. Такие же знамена развевались над Нотр-Дамом и Пантеоном. Тогда же было установлено революционное правительство. Парижане были счастливы двойной победой — в революции и сражении. Вот чем делится с нами Проспер-Оливье Лиссагарэ:

“ «За окном царила радостная атмосфера. Весеннее солнце светило парижанам. Это был первый день надежды за восемь месяцев. Перед баррикадами у ратуши, на холме Монмартр и вдоль всех бульваров толпились любопытные зеваки. Кто говорил о гражданской войне? Только «Официальный журнал». Он по-своему описывал события: «Правительство исчерпало все пути примирения», и, обращаясь с отчаянным призывом к Национальной гвардии: «Комитет, называющий себя Центральным комитетом, хладнокровно убил генералов Клемана Тому и Лекомта. Кто входит в этот комитет? Они коммунисты? Бонапартисты или пруссаки? Вы хотите взять на себя ответственность за их убийства?»...» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

Однако все же некоторые группы реакционеров собралось 22 марта на площади Новой Оперы, якобы репетируя какую-то историческую драму.

“ «Когда манифестация стала уже довольно многолюдной, участники ее — в большинстве элегантно одетые молодые люди — направились по улице Мира; во главе их шли известные бонапартисты — де Пен, де Коетлогон, де Геккерен; знамя без всякой надписи развевалось впереди колонны. Демонстранты осыпали бранью и оскорблениями безоружных национальных гвардейцев, которые пробовали осведомляться о цели шествия. Шествие достигло Вандомской площади, где находились вооруженные лица, которые в боевом порядке, но с запрещением стрелять двинулись навстречу манифестантам» (Луиза Мишель, Ibid.)

Демонстранты тут же начали стрелять, и попали в некоего Мальжурналя, который был членом Центрального комитета, крича «Да здравствует порядок! Долой убийц восемнадцатого марта!». Произошла стычка между демонстрантами и национальными гвардейцами, закончившаяся кровавым побоищем прямо на площади.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОММУНЫ

“ «Когда Парижская Коммуна взяла руководство революцией в свои руки, старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени — символа Республики Труда, развевающегося над городской ратушей» — Карл Маркс.

После описанных событий, в ратуше Отель-де-Виль, занимаемой Центральным комитетом, активно решался вопрос о провозглашении будущей Коммуны и ее власти, которая пока что находилась в руках Национальной гвардии, занимающей ратушу. В первый день восстания граждане Коммуны начали созываться в свои секции для коммунальных выборов. Безопасность была гарантирована присутствием национальных гвардейцев. Сам же Центральный комитет национальной гвардии был обеими руками за проведение муниципальных выборов, это он подтвердил следующей декларацией 19 марта:

“ «Граждане!

Вы поручили нам организацию обороны Парижа и защиту ваших прав.

У нас есть сознание, что эту миссию мы исполнили при помощи вашего благородного мужества и удивительной выдержки.

Мы прогнали правительство изменников.

Теперь наши полномочия истекают, и мы возвращаем вам их, ибо не стремимся занять место тех, кого только что смяла буря народного негодования.

Итак, готовьтесь и приступайте как можно скорее к коммунальным выборам. Единственная же награда, на которую мы рассчитываем – это воочию увидеть учрежденную вами истинную Республику.

В ожидании этой минуты именем народа мы продолжаем занимать ратушу»
(Декларация Центрального комитета национальной гвардии, 19 марта 1871 г.)

Однако одни коммунальные выборы ничего не решали. Революционеры понимали, что на первом месте у них стоит задача получить признание от Национального собрания, не говоря уже о международном. Некоторые газеты активно вели агитацию для того, чтобы примирить Центральный комитет и Национальное собрание, и некоторые их делегаты

приходили в Версаль для предложения провести переговоры между двумя сторонами. Ж. Фавр развернул со словами: «Мы не желаем вести переговоры с убийцами!» — с убийцами, которые никого не убили и не намеревались убивать. Правительство Тьера не могло смириться с тем, что 18 марта их К. Тому и К. Леконта (который скомандовал стрелять по толпе) убили их же подчиненные.

За Центральный комитет вступились парижские мэры, которые 23 марта сами просили членов Национального собрания провести официальные муниципальные выборы, дабы избежать грядущей гражданской войны. На заседаниях эти заявления встретили очевидную реакцию, не нуждающуюся в комментариях — их даже не стали слушать. Через 2 дня они отправили Национальному собранию письмо с очередной просьбой провести выборы в Париже. Ответ не последовал. После этого мэры присоединились к Центральному комитету, встав на сторону революции.

Наконец были проведены выборы в совет Парижской Коммуны. В окончательном итоге присоединились 68 человек, которые были максимально разношерстными: был 31 представитель интеллигенции, 25 рабочих, 8 служащих, 2 мелких буржуа, 1 ремесленник и 1 офицер. Из этих людей 19 были неоякобинцами, 4 радикалами, 17 бланкистами, 20 прудонистами, 3 бакунистами, 2 марксистами, еще трое не принадлежало ни к какой группировке.

26 марта сам Центральный комитет передал свои правительственные полномочия, торжественно передав их Коммуне. 28 марта была провозглашена сама Парижская Коммуна.

“ «Шум стихает, все слушают. На трибуне только что появились члены Центрального комитета и Коммуны, с красными лентами на лбу. Раньше сказал: «Центральный комитет передает свои полномочия Коммуне. Граждане, мое сердце слишком переполнено радостью, чтобы произносить речь. Позвольте мне лишь прославить парижский народ за тот великий пример, который он только что подал миру»

В ответ раздается единственный крик, сотканный из крови двухсот тысяч сердец: «Да здравствует Парижская Коммуна!» Кепи танцуют на штыках, флаги развеваются в воздухе. У окон, на крышах тысячи рук машут платками. Быстрые очереди пушек, музыка, горны, барабаны — все сливается в грандиозное единение. Сердца ликуют, глаза блестят от слез. Никогда со времен Федерации 1790 года сердце Парижа не сотрясилось так сильно; даже самые худшие писатели, описывавшие эту сцену, на мгновение обрели веру» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

Правительство А. Тьера, получившее известия о провозглашении Коммуны, впало в ужас. 227 тыс. избирателей, объединенных одним возгласом — это не тайный комитет, не горстка мятежных личностей и бандитов, как утверждалось последние десять дней. Здесь заключена огромная сила, служащая определенной идее: коллективной независимости. Бесценная сила в этот час всеобщего застоя, находка, столь же ценная, как компас,

спасенный с затонувшего корабля, спасающий выживших. На следующий день после провозглашения Коммуны, А. Тьер сказал: «Нет, Франция не позволит негодяям, которые хотят залить ее кровью, восторжествовать на ее территории».

28 марта произошло первое заседание Коммуны, озаглавленное решением, достойным величия такого дня: во избежание каких бы то ни было личных вопросов или интересов в такое время, когда все личности должны были раствориться в революционной массе, было постановлено, что все воззвания будут подписываться просто от лица Коммуны. Был принят манифест, оглашавший следующее:

“ *«Граждане!

Наша Коммуна учреждена. Вотум 26 марта санкционировал победу революции. Подлая власть напала, схватив нас за горло; в состоянии законной обороны вы прогнали от наших стен правительство, которое хотело навязать вам короля. Ныне преступники, которых вы не захотели даже преследовать, злоупотребляя вашим великодушием, устраивают у самых ворот города очаг монархической конспирации. Они провоцируют гражданскую войну, пускают в ход все средства подкупа и развращения, ищут себе повсюду соучастников и не стыдятся кланчить помощи у внешнего врага. Преступное поведение этих людей заставляет нас взывать к суду Франции и всего мира.

Граждане, вы только что создали учреждения, способные бороться против всяких покушений.

Вы — хозяйева своей судьбы! Ваши представители, только что утвержденные вами и сильные вашей поддержкой, сумеют исправить весь ущерб, причиненный городу павшим правительством.

Расстроенная промышленность, прерванный труд, парализованная торговля получают новый мощный импульс.

Сегодня будет принято давно ожидаемое постановление о квартирной плате, завтра будет решен вопрос об отсрочке платежей. Все общественные учреждения будут восстановлены, работа в них упрощена.

Национальная гвардия, отныне единственная вооруженная сила города, будет реорганизована без промедления.

Таковы будут наши первые шаги. Народные избранники просят своих избирателей поддерживать их своим доверием в деле упрочения торжества Республики.

Со своей стороны, они исполнят свой долг» (Манифест Парижской Коммуны, 28 марта 1871 г.).

ПОСТАНОВЛЕНИЯ

“ «Мы жили в будущем, когда люди будут чем-то большим, нежели просто вьючными животными, чей труд и кровь будут использоваться другими людьми» — Луиза Мишель.

Коммуна не успела появиться, как уже начала наводить порядки в столице. Полный список всех преобразований перечислить сложно, поэтому ограничимся лишь основными: 30 марта был отменен рекрутский набор и регулярная армия, Национальная гвардия была объявлена единственной вооруженной силой; были аннулированы все счета по квартирной плате с октября 1870 г. по апрель 1871 г.; были запрещены продажи вещей, заложенных в ломбарде;

1 апреля было снижено жалование служащих Коммуне чиновников до 6 тыс. франков в год (с учетом того, что содержание коммунара обходилось 15 франкам в день);

2 апреля церковь была отменена от государства, все церковное имущество было превращено в национальную, государственные выплаты в церковь остановлены;

5 апреля был издан декрет об аресте, но не казни заложников;

6 апреля была публично сожжена гильотина;

8 апреля церковная и религиозная атрибутика была убрана из государственных учреждений, в частности из школ; была введена незамедлительная эксплуатация брошенных мастерских и фабрик.

Было произведено еще достаточно различных реформ, которые показывают действительно классовый характер Парижской Коммуны. Несмотря на то, что основное ее большинство составляли прудонисты и бланкисты, они, сливаясь в единую силу, подчинились данной им ситуации и, не взирая на разногласия своих фракций, обустроивали свою жизнь.

“ «Так, начиная с 18 марта, стал резко и решительно проявляться чисто классовый характер парижского движения, отступавший до тех пор на задний план вследствие борьбы против вражеского вторжения. Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что по отношению к государству религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса, которые отчасти глубоко врывались в старый

общественный порядок. Но в осуществлении всех этих мероприятий в осажденном городе могли быть сделаны в лучшем случае лишь первые шаги. Уже с начала мая все силы уходили на борьбу против все более численно возрастающих войск версальского правительства» (Фридрих Энгельс, Ibid.).

Действительно, Версаль не ждал и за все время, пока коммунары наслаждались воплощением своих заветных желаний, активно готовился к нападению. Луиза Мишель была права — Версаль действительно пришел менее чем через месяц. Революционеры упустили свой шанс пройти маршем к нему тогда, когда он был в изнеможении; теперь он полон сил и совершил утренний визит в апреле.

НАПАДЕНИЕ ВЕРСАЛЯ

«У жителей Версаля голова была набита баснями о бандитизме коммунаров и об их сговоре с пруссаками; при помощи этих басен армия становилась послушным орудием для самых невероятных жестокостей» — Луиза Мишель.

2 апреля ранним утром Париж был разбужен стрельбой. Сначала думали, что это какой-нибудь праздник у пруссаков, находившихся неподалеку; но скоро узнали правду: это Версаль начал нападение, стремительно продвигаясь к Парижской Коммуне.

На следующий день Национальная гвардия поднялась для отражения атаки версальцев, которые безжалостно расстреливали попадавших на пути коммунаров. Обороной города руководил поляк Ярослав Домбровский, а Гюстав Кюзере был назначен главнокомандующим Национальной гвардии; также участие в войне принимал еще один поляк — Валерий Врублевский.

Войска Коммуны должны были выдвинуться из разных направлений, а после встретиться, чтобы объединенной силой двинуться на Версаль — туда, где заседали все те, кто затеял всю эту кровь.

Вроде все проходило хорошо — войска продвигались мимо поста Мон-Валерьен... как вдруг на них посыпался дым и ядра. Несмотря на это, солдаты продолжали идти. Однако на перекрестке они столкнулись с засадой, обрушившей все их планы. Эмиль Дюваль вместе с остальными офицерами был расстрелян версальцами на месте, а многие солдаты были пленены и казнены, а перед казнью — унижены.

«Какой-то версалец стягивает с Дюваля сапоги и демонстрирует их; обычай разувать убитых коммунаров стал впоследствии похвальным в версальской армии» (Луиза Мишель, Ibid.).

Среди пленников также находился Г. Флуранс, который непоколебимо стоял, скрестив руки. Жандармский капитан верхом на лошади подошел к нему и между ними завязался короткий диалог, который повествует нам Луиза Мишель:

«Флуранс стоял, гордо выпрямившись и скрестив руки; его непокрытая голова была прекрасна.

Жандармский капитан верхом находился направо от него, возвышаясь над ним на целый корпус; грубым, наглым тоном он спросил его:

— Это вы Флуранс?

— Да.

— Это вы ранили моих жандармов?

— Нет, — только и успел ответить Флуранс.

— Лжец! — заорал негодяй, и, с ловкостью палача ударив Флуранса саблей по голове, он раскроил ее пополам. После этого он умчался галопом.

Убийцу Флуранса звали капитан Демарэ. Флуранс в ужасных судорогах корчился на земле. Тогда один из жандармов сказал, издеваясь:

— Дайте-ка я выпущу из него мозги.

И, приложив дуло ружья к уху Флуранса, он выстрелил. Флуранс был недвижим: он умер» (Луиза Мишель, Ibid.).

4 апреля противостояние продолжалось, и оставшиеся дивизии Национальной гвардии были слишком изнеможены для продолжения битвы. Версальское войско имело большое преимущество, и жестокими методами расправлялось с теми, кого их правительство ранее клеймило «убийцами»:

«4 числа, в пять часов, Плато и соседние деревни были окружены бригадой Деррохи и дивизией Пелле: «Сдавайтесь, и ваши жизни будут сохранены», — приказал генерал Пелле. Коммунары сдались. Немедленно версальские войска схватили солдат, сражавшихся в рядах коммунаров, и расстреляли их. Остальные пленные, выстроенные между двумя рядами альпийских егерей, были доставлены в Версаль. Их офицеры, без головных уборов и со сорванными знаками различия, шли во главе конвоя» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.).

Эти несчастные твердо верили, что коммунары были ворами, и что они пытали своих пленников. Хотя немного ранее Коммуна выпустила декрет, который категорически воспрещал такое отношение к ним. В основном эту ложь распространяли бонапартистские офицеры, они говорили: «Мы не проявим милосердия к этим негодьям». Они подали пример суммарных казней: 25 апреля в Бель-Эпине, недалеко от Вильжюифа, четверо национальных гвардейцев были застигнуты врасплох конными егерями и получили приказ... Они сдались и

сложили оружие. Солдаты уводили их; прибыл офицер и, не говоря ни слова, выстрелил из револьвера. Двое были убиты, остальные, брошенные умирать, поползли до соседнего окопа, где один из них скончался; четвертого отвезли в санитарную машину — говорит Проспер-Оливье Лиссагарэ. Именно их командиры еще в середине марта бесконечно трубили о «справедливой» республике, а спустя примерно месяц жестоко убивают пленных.

Узнавшие об этом на следующий день члены совета Коммуны впали в ярость и потребовали в ответ убить пленников-солдат Версаля. Начался густой спор, где более проницательным был некий Камбон, заявивший: *«Если жители Версаля расстреляют наших пленных, пусть Коммуна заявит перед Францией, перед всем миром, что она будет уважать всех пленных, которых возьмет в плен, и что офицеры, которые заставляют людей идти маршем, сами будут в определенной степени уважаемы».*

С 19 апреля Париж снова подвергается бомбардировкам, однако теперь его бомбят не чужие прусские, а французские войска из Версаля. Однако, несмотря на столь значительные поражения, батальоны Национальной гвардии постепенно отбивали атаки и могли продолжать оборону. Хоть о наступлении на Версаль уже не могло быть и речи и в совете Коммуны были разногласия, народ продолжал бороться.

КРИЗИС

«Федераты были героями. Но у этих героев были свои слабости, часто гибельные по своим последствиям» — Дуиза Мишель.

Весь апрель прошел в войне, которую командование Версаля не останавливало ни на мгновение, за исключением одного дня, когда 25 апреля обе стороны прекратили огонь всего лишь на 1 день, чтобы забрать раненных. Парижская Коммуна начала терять многих важных людей, а Версаль продолжал кровожадно продвигаться к столице. После того, как Г. Ключере был сдан форт Исси, совет Коммуны заподозрил его в предательстве и поместил в тюрьму Мазас, в которой он пробыл 3 недели, а после был оправдан. Тем временем на его место был назначен Л. Россель.

В Коммуну начал проникать кризис, который вел ее к расколу. Этот кризис был не только снаружи, но и внутри Коммуны: 1 мая был учрежден новый политический орган — Комитет общественного спасения, который сосредоточил бы власть в руках опытного меньшинства, которое могло бы грамотно защитить Коммуну от версальского вторжения. Этим действием Коммуна несколько подорвала свой авторитет, поделив себя на «большинство» и «меньшинство». Этой выходкой были недовольны все, включая представителей большинства и меньшинства.

10 мая форт Ванв был оставлен и занят версальцами. В ответ на это поражение, Комитет общественного спасения ответил... сносом дома А. Тьера. Действительно, в последние недели власти Коммуны прибегали по большей части к каким-то общественным декретам, нежели к настоящей обороне. Вместо того, чтобы организовать оборону, они запрещали

ночной труд в пекарнях и проституцию, за которую карали арестом; разрушали дома и статуи... Помимо этого, ситуация сопровождалась большими разногласиями между Комитетом общественной безопасности и Центральным комитетом национальной гвардии. В этой военной катастрофе никто не знал, что делать. В тот же день Ш. Делескюз заменил Л. Росселя, подавшего в отставку днем ранее из-за того, что Комитет общественного спасения не занимался делом. Л. Россель был арестован и помещен в тот же Мазас, однако тот, кто его охранял, Шарль Жерарден, помог ему сбежать.

Таким образом Парижская Коммуна, теряя форт за фортом, начала раскалываться. Ситуацию усугубил тот факт, что между Национальным собранием и Германской империей был заключен тот самый Франкфуртский мирный договор, подтвердивший официально окончание войны. Тогда же ряды армии Версаля пополнились вернувшимися из германского плена солдатами, после чего армия Версаля насчитывала близко 130 тыс. солдат. Канцлер Бисмарк стал активно пособничать Версалию в этой войне, и вскоре вновь осадит Париж для того, чтобы загнать Коммуну в тупик. Вот так бывшие враги стали союзниками.

21 мая Национальное собрание публикует циркуляр, который был нацелен на зарубежную публику. В нем Ж. Фавр призывает выдавать коммунаров, укрывающихся за границей, на что лишь Испания и временно Бельгия ответили согласием, а тем временем Германия и без того преследовала членов Коммуны у себя. Текст циркуляра (сокращенно):

«Гнусные преступления злодеев, побежденных героическими усилиями нашей армии, отнюдь нельзя рассматривать как действия политического характера; они относятся к числу деяний, предусматриваемых и караемых законами всякого цивилизованного народа.

Убийства, грабежи, поджоги были введены у них в систему и организованы с какой-то адской изобретательностью. Виновники их, конечно, не могут рассчитывать ни на какое другое убежище, кроме того, где их ждет законное возмездие.

Ни одна нация не может оставить их безнаказанными. Для какой угодно страны присутствие подобных злодеев и позорно и опасно. Ввиду этого, как только вам станет известно, что кто-нибудь из числа лиц, замешанных в парижских преступлениях, переступил границу страны, в которой вы аккредитированы, предлагаю вам тотчас же требовать от местных властей немедленного задержания вновь прибывшего, а равно безотлагательно известить меня об этом, дабы я мог урегулировать вопрос, потребовав выдачи преступников.

Жюль Фавр» (Луиза Мишель, Ibid.).

МАЙСКАЯ НЕДЕЛЯ

«Когда решительная минута приблизилась, он заявил, что он «не даст пощады»; а своим разбойникам, — что правительство позволяет им мстить Парижу сколько им угодно» — Карл Маркс.

В день выпуска циркуляра началось событие, именуемое «Майской кровавой неделей». Это последняя неделя жизни Парижской Коммуны, которая с крахом пала под натиском Версаля и присоединившегося Бисмарка, который устроил блокаду из 150 тыс. солдат, не давая солдатам отступить за пределы столицы. Тех, кто пытался пробраться через блокаду, — или расстреливали, или отправляли в Версаль.

После выдачи военнопленных Версалю, соотношение войск с обеих сторон критически поменялось. 130 тыс. жестко дисциплинированных версальских солдат вели борьбу против 50 тыс. солдат Национальной гвардии (на бумагах их числилось близко 160 тыс., однако гораздо меньше людей действительно принимало участие в сражении), не говоря уже о том, что высокую военную и моральную подготовку имели лишь батальоны таких значимых военачальников, как Я. Домбровский, численность батальона которого была всего 6 тыс. гвардейцев.

Печальная неделя началась с того, что в 3 часа утра, благодаря огромному численному преимуществу, версальские солдаты ворвались в Париж через 5 ворот: Пасси, Отей, Сен-Клу, Севр, Версаль. Как 2 апреля, в этот день Париж спал крепким сном.

“ «Около двух часов ночи Домбровский прибывает в Ратушу: бледный, подавленный, с ушибом на груди от осколка камня. Он рассказывает Комитету общественного спасения о входе версальцев, о бегстве в Пасси, о своих тщетных попытках собрать людей. Все удивляются столь быстрому вторжению — настолько Комитет мало знаком с военной обстановкой» (Проспер-Оливье Лиссагарэ, Ibid.)

Со стороны Коммуны критически не хватало людей. 23 мая была занята высота Монмартра, с которой можно было обстреливать Париж из любой высоты. Я. Домбровский, пытаясь оборонять холм, получил серьезное ранение, впоследствии которого скончался. Луиза Мишель делится воспоминаниями:

“ «Через короткое время проехал верхом Домбровский со своими офицерами.

— Мы погибли! — сказал он мне.

— Нет, — отвечала я ему.

Он протянул мне обе руки; это был последний раз, что я видела его живым. Он был смертельно ранен в нескольких шагах от этого места; нас было еще семь человек на баррикаде, когда мы снова увидели его, но на этот раз уже на носилках, еле живым: его несли в Ларибуазьер, где он и умер» (Луиза Мишель, Ibid.).

Пытаясь сдерживать врага, коммунары начали поджигать здания, не давая врагу в них задерживаться. Таким образом Париж стал второй Москвой, которую в 1812 году сжег губернатор Федор Ростопчин, тем самым сделав невозможным для французских войск пребывание в городе.

“ «Еще до сих пор остается спорным вопрос, какие здания зажжены были наступавшими, какие — оборонявшимися. Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые расстрелы пленных. — К тому же Коммуна открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву; такое же обещание давало раньше правительство национальной обороны, но, конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измену» (Карл Маркс, Ibid.).

Версальские солдаты продолжали активно и безжалостно расстреливать пленных, пока коммунары придерживались принципа до того момента, пока 24 марта не был произведен расстрел 64 версальских пленников, среди которых находился архиепископ Жорж Дарбуа. Это случилось по той причине, что А. Тьер отказался обменять их на О. Бланки, который своим умом был нужен Коммуне. Хотя, в прочем, все и так понимали, что война близится к концу...

“ «Истинный убийца архиепископа Дарбуа — Тьер. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа и многих других священников на одного только Бланки, находившегося в руках Тьера. Но последний упорно отказывался от этого обмена. Он знал, что, освобождая Бланки, он даст Коммуне голову, архиепископ же гораздо более будет полезен ему, когда будет трупом» (Карл Маркс, Ibid.).

К 25 числу версальцами уже был занят практически весь Париж, и осталась лишь восточная часть, куда отступили члены совета Коммуны. На следующий день на баррикаде был убит Ш. Делескюз. Его гибель видел лично сам Проспер-Оливье Лиссагарэ, который описывает ее следующим образом:

“ «На Делескюзе — его обычный костюм: шляпа, сюртук, черные брюки, красный шарф вокруг пояса, малозаметный, как он всегда его носил. Он шел без оружия, опираясь на трость. Солнце садилось за площадью. Делескюз, не оборачиваясь, чтобы посмотреть, идет ли за ним кто-нибудь, подвигался вперед, не замедляя шага. Он был единственным живым существом на всем протяжении бульвара Вольтера. Дойдя до баррикады, он свернул налево и взобрался на камни. В последний раз его строгое лицо, обрамленное короткой седой бородой, мелькнуло перед нами. Оно было обращено к смерти. Вдруг Делескюз исчез: он упал, сраженный пулей на площади

Шато-д'О.

Несколько человек хотели поднять его – трое или четверо из них тут же упали. Оставалось подумать лишь о защите баррикады, о том, чтобы собрать ее немногочисленных защитников. Жоаннар, стоя посреди улицы, потрясал своим ружьем и, плача от гнева, кричал своим испуганным спутникам:

— Нет! Вы не достойны защищать Коммуну!...» (Луиза Мишель, Ibid.).

Оставшиеся дни ничем не могли обрадовать. За эти 2 месяца численность солдат Национальной гвардии сократилась до 200 человек, которые были загнаны на кладбище Пер-Лашез, обороняя каждый его памятник в последний день. На этом кладбище они и пали: 147 измученных бойцов оттеснили к северо-восточной стене, а затем расстреляли.

28 мая огонь затих и именно этот день значит как тот, когда Парижская Коммуна прекратила свое существование. В итоге недели «освобожденный» Париж был разделен между генералами Ж. Винуа, Феликсом Дуэ, Эрнестом Сиссе и Луи де Ладмиро, которые начали прямой террор против всего населения без исключений (на стороне Коммуны было множество малолетних подростков, которые ничем не отличались от взрослых). Помимо социалистов, коммунистов и анархистов этому были подвержены те, у кого: были найдены элементы униформы Национальной гвардии; руки были мозолисты или запачканы порохом; на плече был след от винтовочного приклада; были любые связи с теми, кто принимал участие в деятельности Коммуны. Даже за косой взгляд или невинное словцо в сторону Версаля можно было подвергнуть себя и свою семью казни. Расстреливали почти всегда сразу на месте, без разбирательств и следствий. Как говорит Юрген Хольтман: допрос продолжался четверть минуты: «Вы взяли за оружие? Вы служили Коммуне? Покажите ваши руки». И не дожидаясь ответа на свои вопросы, «суд» по лицу обвиняемого, по своему впечатлению и капризу выносил приговор, осуждая одних на отправку в Версаль, других — на немедленный расстрел.

Пересчитать количество всех репрессированных, увы, невозможно. Однако в общей сложности за 2 месяца число достигает 100 тысяч, где около 50 тыс. были распределены по тюрьмам, а остальные преданы расстрелу. По словам Юргена Хольтмана, командир, стоя у входа в тюрьму, осматривал с головы до ног, приводимых к нему пленных и время от времени произносил: «направо», «налево». Направо означало — смерть, их немедленно ставили к стене и расстреливали, пока стоящие рядом священники освящали эту бойню.

А тех коммунаров, которых не удалось поймать во Франции, члены Национального собрания пытались достать по всей Европе, печатая множество циркуляров, взывающих к правительствам всех европейских государств выдавать беженцев. Даже после разгрома Коммуны, они не успокоились и с глубокой обидой продолжали войну против тех, кто всего лишь на 2 месяца позаимствовал у них столицу.

Можно было бы рассказать еще много интересного, однако мы и так опоздали к сроку публикации 18 марта. Поэтому... Вот мы и добрались к финалу нашей истории о Парижской Коммуне, которая, просуществовав всего-навсего 72 дня (если с 4 марта 1870 г.,

— то 266), является одной из самых масштабных известных нам практик пролетарского движения в истории.

Наш telegram-канал: <https://t.me/TeachingOfAnarchism>.

Редакция «Учение Анархизма», 21 марта 2026 г.

Материалы взяты из следующих источников:

1. Луиза Мишель. «Коммуна», изд.: Librarium, 2022 г.
 2. Louise Michel. «La Commune», изд.: P.V. Stock, 1898 г.
 3. Prosper-Olivier Lissagaray. «Histoire de la Commune de 1871», изд.: E. Dentu, 1896 г.
 4. Карл Маркс. «Гражданская война во Франции», 1870 г.
 5. Вячеслав Румянцев. «История Франции». Том 2. М., изд.: НАУКА, 1973 г.
 6. Виктор Гюго. «Стихотворения». Том 3, изд.: ГИХЛ, 1956 г.
 7. Парижская Коммуна, 1871 год. Хронология событий.
 8. Кто защищал Парижскую Коммуну. Что представляла собой Национальная гвардия коммунаров?
 9. L'Assemblée nationale entre 1871 et 1873 — Le «Gouvernement Thiers». 10. Юрген Хольтман. Белый террор после подавления Парижской Коммуны.
 11. Deuxième Partie — Règne de l'Assemblée nationale. 8 février 1871 — 8 mars 1876.
 12. Александр Колесников. Разгром Парижской Коммуны.
 13. Vrolkovnikov. Парижская коммуна 22-28 мая 1871 г.
 14. Французские и русские страницы Wikipedia.org.
 15. А. И. Молок. Парижская Коммуна 1871.
 16. Georges Beisson. L'année terrible.
- (все законные права принадлежат правообладателям)*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Третья Французская республика (фр. Troisième République) — демократическая президентская республика, утвержденная Правительством национальной обороны 4 сентября 1870 г.

[2] Франкфуртский мир (фр. Traité de Francfort) — мирный договор между Францией и Пруссией, завершивший франко-прусскую войну 10 мая 1871 г.

[3] Национальная гвардия (фр. Garde Nationale) — народное военное формирование, состоящее непосредственно из рабочих, которое было создано Учредительным собранием Франции в 1789 г. для поддержания порядка в военное время.

[3] Вторая Французская империя (фр. Second Empire) — предшествовавшая Третьей Французской республике бонапартистская монархия Луи-Наполеона Бонапарта III, т. е. племянника Наполеона I.

[4] Отто фон Бисмарк — первый канцлер и основоположник Германской империи, осуществивший ее объединение по малогерманскому пути 18 января 1871 г.

[5] «18 брюмера» и Аустерлиц — комичные отсылки на достижения Наполеона I, т. е. дяди Наполеона III: 18 брюмера (так на французском республиканском календаре обозначалось 9 ноября) 1799 г. Наполеон Бонапарт захватил власть; а в г. Аустерлице он разгромил австрийскую и русскую армии, утвердив свое доминирование в Европе.

[7] Битва при Седане, или Седанская катастрофа (фр. La bataille de Sedan) — битва, произошедшая 1 сентября 1870 г. и являющаяся точкой невозврата к поражению Франции во франко-прусской войне. Она окончилась разгромом основных французских войск и пленением Наполеона III 2 сентября.

[8] Сентябрьская революция (скорее всего термин был введен российскими историками, т. к. во Франции это событие им не называют) — ряд событий, произошедших с 3 по 4 сентября 1870 г., которые привели к отречению от Наполеона III и установлению Третьей Французской республики.

[9] Орлеанисты — монархисты с либеральными и буржуазными ценностями, выступавшие за конституционную монархию во главе с представителями Орлеанского дома; в этом контексте являются сторонниками политики Луи-Филиппа I, т. е. короля периода Июльской монархии.

[10] Законодательный корпус (фр. Corps législatif) — нижняя палата парламента во Второй империи, избираемая обычно самим народом. В 1870 г. ее члены провозгласили Третью республику, взяв на себя ответственность управлять страной.

[11] Луарская армия (фр. Armée de la Loire) — военное формирование, образованное в октябре 1870 г. Правительством национальной обороны для освобождения осажденного Парижа.

[12] К слову, это самая крупная военная операция в XIX веке, при ней было задействовано близко 590 тыс. солдат.

[13] Армия Востока — альтернативное название для французской армии, состоящей из национальных гвардейцев и солдат других формирований, в период франко-прусской войны.

[14] Огюст Бланки — известный французский революционер-бунтарь, организатор тайных революционных обществ, участвовавший во многих парижских восстаниях. Заочно был избран в Парижскую Коммуну, т. к. на момент ее создания сидел в тюрьме.

